

Калмурат кызы Турсунай

научный сотрудник

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»

г. Екатеринбург, Свердловская область

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ

«ПРОЩАЙ, ГУЛЬСАРЫ!»)

Аннотация: в статье исследуются языковые средства и речевые приемы в произведениях Ч. Айтматова на примере повести «Прощай, Гульсары!», которые придают особую интонацию произведениям автора и сохраняют восточный колорит. Автор полагает, что ключевым аспектом в мировидении писателя выступает билингвистическая формула иноходец Гульсары.

Ключевые слова: Айтматов, литературный язык, аксиологические смыслы.

В художественных произведениях Ч. Айтматова, написанных на русском языке, сохраняется восточный колорит и живая образность персонажей. Актуальность темы «Аксиологические смыслы в литературном языке Чингиза Айтматова (на примере повести «Прощай, Гульсары!»)» определяется необходимостью изучения особой интонации автора.

Цель исследования – выявление аксиологических смыслов литературного языка автора в его работах посредством изучения языковых средств и речевых приёмов.

Методология и методы исследования. В работе использованы общенаучные методы наблюдения, интерпретации, методы сопоставительного и комплексного анализа.

В современной кыргызской литературе существует различие между работами писателей, которые создавали произведения на русском языке, и писателями, использующими в своём творчестве русские и кыргызские языки.

Кыргызская литература на русском языке имеет особый статус: это национальная литература, которая может быть распространена среди широкого круга русскоязычных читателей.

Двуязычные писатели «обращаясь к русскому языку как к форме художественной практики, как к форме создания литературных произведений, национальные писатели развивают не только традиции русской, но и своей национальной литературы и культуры. Это развитие выражается в отборе жизненного материала, в его освещении, образной системе, в использовании фольклорных мотивов, в употреблении слов из своих родных языков» [5, с. 90].

На вершине национального литературного процесса находится наследие Ч. Айтматова, «индивидуальный творческий подвиг» которого предопределил пути развития национальной литературы [2, с. 38]. Творческий опыт Ч. Айтматова усилил проявление литературного и художественного билингвизма в практике кыргызских писателей, установил высокий стилистический уровень произведений. Прозаические тексты созданные кыргызским автором на русском языке, неразрывно связаны генетически с русской литературной традицией, оставаясь продуктом национальной культуры благодаря специфике мировосприятия авторов. Именно в этом умственном предопределении заключается оригинальность русскоязычной прозы кыргызских двуязычных писателей.

Л.А. Нефедова, говоря об особенностях художественной картины мира Ч. Айтматова, отмечает стратегию выбора «красочного словаря», который вносит свой вклад в концептуальную сферу: «на лексической основе «культуры переплетаются, язык обогащается, а художественная картина мира дополняется» [9, с. 58]. В то же время использование отдельных национальных языковых элементов по типу «встраивания» не всегда обеспечивает двуязычный эффект.

Герои Ч. Айтматова поют, изливают в песне душу. В ней воплощаются объекты эмоционально-оценочного и одновременно эстетического восприятия: тишина, соловей, луна, цветущие яблони. Поёт Танабай. Его слышат лишь конь Гульсары да тишина:

Танабай ехал по уснувшим улицам аила. Тихо было кругом. Окна темны. Чуть слышно тархтел *трактор на поле. Луна уже стояла над горами, в садах белели цветущие яблони, где-то заливался соловей. Почему-то он был один на весь аил. Он пел, прислушиваясь к себе, умолкал и затем снова принимался щелкать и свистать. Танабай придержал иноходца.*

– Красота какая! – сказал он вслух. – А тихо как! Только соловей залива-
ется. Ты понимаешь, Гульсары, а? Где тебе... Тебе в табун, а я... [1, с. 34].

Чувства «внутреннего человека» Танабая может понять только конь.

Выделяются речевые и поведенческие реакции Танабая, а также речевые и эмоциональные реакции Гульсары.

Ощущается взаимная эмоциональная привязанность: *Иноходец слышал сзади себя одобрительные покрики, слышал, как тот начинал петь в седле, и в такие минуты он любил хозяина, любил бежать под песню [1, с. 19]; Иноходца охватил ужас [1, с. 20]; Но сколько он ни бился, петля затягивалась все туже, и, задыхаясь, иноходец метнулся не в сторону от людей, а к ним. Иноходец присел от боли на задние ноги и больше уже не сопротивлялся [1, с. 20].*

Конь интуитивно понимает эмоции человека: *И хотя Танабай никогда его не бил, иноходец в такие минуты боялся хозяина [1, с. 27]; В ту ночь иноходец привычно стоял во дворе, тоскуя по табуну в ожидании хозяина, и уже начал подремывать; Иноходец сердито всхрапнул, замер, наставляя уши; Иноходец рванулся с привязи, как от удара бича, и отчаянно заржал от страха за свой табун [1, с. 36]. Сам Танабай тоже понимает внутренний мир своего коня: *Потом это стало ему (Танабаю) трудно, и он дал иноходцу отдохнуть; Иноходец стал подгибать ноги, чтобы лечь на землю, но Танабай не мог этого допустить: потом никакими силами не поднимешь [1, с. 23].* В повести важна перекличка чувств коня и чувств человека.*

Одно из главных качеств иноходца – независимость, стремление к свободе: *Иноходец кинулся на хозяина зверем, обрушил копытами дувал (т. е «стену») и все рвался и рвался с привязи [1, с. 37]; Он (Танабай) отпускал поводья, и иноходец шел так, как ему хотелось [1, с. 27]; Почти припадая к земле,*

иноходец вышел из трудного виража и пошел напрямую [1, с. 33]; Теперь иноходец шел к своему последнему финишу из последних сил [1, с. 10].

Кыргызы отводят большое место народным играм. Любимыми остаются традиционные конные игры. Без них не проходило ни одно народное гуляние. Характер конных игр и состязаний отражает кочевой образ жизни. Участие в играх требует отваги, ловкости, смелости и готовности к решительным действиям. Азартные конные состязания и игры являются востребованными до настоящего времени. Ч. Айтматов включает в текст описание конных состязаний:

И второй день, то есть второе мая, тоже был днем Гульсары. В этот раз пополудни разыгрывали в степном урочище козлодранье – своеобразный конный футбол, в котором вместо мяча служит обезглавленная туша козла. Козел удобен тем, что шерсть на нем длинная, прочная, и его можно подхватывать с коня за ногу или за шкуру. Снова огласилась степь древними криками, снова зарокотала барабаном земля. Лавина конных болельщиков с возгласами и воплями металась вокруг игроков. И снова героем дня был Гульсарым [1, с. 31].

Сочетание «национально-культурных обрядовых традиций и спортивных функций игры является апофеозом состязания» [7, с. 39]. Непосредственную связь с народным творчеством, историей, которую нельзя уничтожить, передают сочетания *древних криков, лавина конных болельщиков*.

Необузданное стремление к свободе, не знающей границ, *дух бега* – устремление вперед, к победе, радость освобождения от аркана, момент ощущения подлинного счастья – метафорический орнамент ключевого сочетания *иноходец Гульсары*. Внутренний протест против аркана, оков поддерживается общеславянским глаголом *бушевать*, который обозначает стихийный взрыв бурного чувства, «проявляющегося с необычной силой» [10, с. 68]. Очеловечивание иноходца Гульсары, который не только воспевается, но и изображается, укрупняет концептуально значимый в контексте советского времени образ свободы/воли – базовой ценности обоих народов.

Заложенная в фольклоре этническая специфика олицетворения коня основана на внутреннем родстве кочевников с конем. Об этом пишет Г. Д. Гачев:

«Полная зависимость кочевника от стада и дает ощущение внутреннего родства с животными. Отсюда обожествление животных, особенно коня.» [3, с. 124]. Конь-иноходец у Чингиза Айтматова мифологизируется: «*Не конь, а дулдул*», то есть «сказочный скакун» [8]. Ч. Айтматов наделяет Гульсары силой, храбростью, стихийным чувством протеста против *удил и подводьев*. Свобода трактуется как синоним счастья.

Ключевой в тексте повести является билингвистическая формула *иноходец Гульсары*. В авторской картине мира она является своеобразным центром, вокруг которого формируются текстовые ассоциативные поля, позволяющие более полно представить индивидуальное авторское мировидение Ч. Айтматова. Билингвистическая формула занимает центральную позицию в тексте что подтверждается частотностью составляющих её компонентов *Гульсары* – 218 употреблений; *иноходец* – 228 употреблений; *ср. конь* – 132 употребления.

Очевидно, что словарные статьи детально передают общезыковое значение слова. Лексема *иноходец* (а это и есть Гульсары) в тексте повести Ч. Айтматова последовательно реализует форму слова «иной», т.е. передает смысл «отличающийся от обычного» [10, с. 301]. Инаковость передаёт также собственное имя *Гульсары* («желтый цветок»). Аксиологический выбор необычного, из ряда вон выходящего, присущ обеим лингвокультурам.

Мотив инаковости является в повести сквозным и проявляется в очеловечивании коня-иноходца Гульсары. В этой связи отметим, что один из научных семинаров в Институте русского языка им. В.В. Виноградова Академии Наук СССР был посвящен «Словарю языка Чингиза Айтматова». К.Э. Касмалиева посвятила свой доклад коню-иноходцу, «одной из ключевых этнокультурных идиоглосс этнической авторской языковой картины мира Ч. Айтматова» [7].

Уточним словарные значения лексем группы «иноходец» [10, с. 301]. *Иной* – «прил. Другой, отличающийся от этого». *Иноходец* – «лошадь, которая бежит иноходью». *Иноходь* – «Аллур (быстрее рыси), при котором одновременно выносятся вперед или обе правые ноги, или обе левые» [10, с. 301]. *Ходить* – «То же, что идти. О животных: использоваться в какой-н. упряжке,

двигаться каким-н. образом» [10, с. 1067]. Лексема *иноходец* непосредственно соотнесена с конем Гульсары. Сочетание *иноходец Гульсары* в определенной степени «маркирует кыргызскую культуру в целом» [7].

Отметим, что в словосочетании *иноходец Гульсары* специфически русский смысл передает слово *иноходец*; специфически кыргызский смысл – имя собственное *Гульсары*. Как было доказано с опорой на словарные толкования, в ключевом словосочетании соединяются национально-культурные представления двух народов об особой ценности-неповторимой индивидуальности. В контекстах выявляется не только особая привязанность кыргызов к коням, но и всеобщее признание наездника, управляющего конем, который одерживал победы на играх и в соревнованиях, заслужил славу.

Через весь текст проходит параллель между конем и человеком на протяжении всей жизни. При этом художественное время сконструировано не в соответствии с его реальной последовательностью повествовательное время цикличное. Обратим внимание на заданную в начале текста параллель *старый конь – старый Танабай*.

Писатель шаг за шагом показывает, как конь-иноходец Гульсары превращается из жеребца в старую лошадь, раскрывает особую связь Танабая и Гульсары: оба выделяются из массы, они – «другие». Ч. Айтматов отстаивает право каждого живого существа на инаковость. Конь Гульсары родился и умер иноходцем. Человек Танабай стремился быть таким, как все советские люди, но постепенно осознал свое право на проявление индивидуальности [6].

В творчестве Ч. Айтматова как писателя-билингва ярко прослеживается, как «неповторимый национальный характер опирается на сюжет и композицию, проявляется в языке, в художественном строе произведений» [5].

Список литературы

1. Айтматов Ч.Т. Прощай, Гульсары! // Новый мир. – 1966. – №3. – С. 9–99 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/novy_mir_1966_03__ocr.pdf

2. Асаналиев К. Чыңгыз Айтматов кечээ жана бүгүн. – Бишкек, 1995. – 62 с.
6 <https://phsreda.com>

3. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца, горца. – М.: Институт ДИДИК, 1999. – 368 с.
4. Глинкин П.Е. Чингиз Айтматов. – Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1968. – 111 с.
5. Иванов В.В. Язык великого братства: рус. яз. как средство межнац. общения народов СССР / В.В. Иванов, Н.Г. Михайловская, В.М. Панькин. – М.: Знание, 1986. – 158 с.
6. Калмурат кызы Турсунай. Повесть Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!»: к проблеме художественного билингвизма // Молодые голоса: сб. тр. / под ред И.В. Шалиной. – Екатеринбург: Ажур, 2018. – С. 19–25.
7. Касымалиева К.Э. Ассоциативное текстовое поле этнокультурной идиоглоссы «конь-иноходец» в повести «Прощай, Гульсары!» Ч. Айтматова // Вестн. РУДН. Сер. «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2016. – №3 – С. 36–43.
8. Киргизско-русский словарь / сост. К.К. Юдахин. – В 2 кн. – Фрунзе: Главная редакция Киргизской советской энциклопедии, 1985. – 475 с.
9. Нефёдова Л.А. Особенности организации художественной картины мира у автора-билингва // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2008. – №4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsii-hudozhestvennoy-kartinymira-u-avtora-bilingva> (дата обращения: 14.04.2022).
10. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2008. – 1175 с.